

УДК 340.113

О ДОКТРИНАЛЬНОМ ЮРИДИЧЕСКОМ КРИТЕРИИ ДЛЯ ТИПОЛОГИЗАЦИИ ЯВЛЕНИЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПРАВОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ

П. В. Васильев

заместитель начальника кафедры теории и истории государства и права,
кандидат юридических наук,
Нижегородская академия МВД России (Россия)
e-mail: vapv22031979@yandex.ru

***Аннотация.** В статье изучается теоретико-правовая проблема типизации явлений социокультурной правовой реальности. Для этого используется доктринальный юридический критерий субстанциональности. Делается вывод о наличии в социокультурной правовой реальности двух самостоятельных типов явлений: субстанциональных и динамических.*

***Ключевые слова:** юридический критерий, субстанциональность, социокультурная правовая реальность, субстанциональные правовые явления, динамические правовые явления.*

***Annotation.** The article studies the theoretical and legal problem of typing phenomena of socio-cultural legal reality. For this, the doctrinal juridical criterion of substantiality is used. The conclusion is made about the presence in the socio-cultural legal reality of two independent types of phenomena: substantive and dynamic.*

***Keywords:** legal criterion, substantiality, sociocultural legal reality, substantial legal phenomena, dynamic legal phenomena.*

Научные правовые исследования, правотворческая, правореализационная, правоинтерпретационная практика, правовые акты, научная литература, правосознание — таков далеко не полный перечень элементов социокультурной правовой реальности. Если рассматривать социокультурную правовую реальность как совокупность способов и форм жизни людей, складывающиеся в результате юридической деятельности человека, то возникает вопрос о том, как именно можно типизировать все ее составляющие правовые явления?

В качестве эмпирической основы используем результаты наблюдений за явлениями социокультурной правовой реальности. Мы можем наблюдать нормативные правовые акты и иные формы права, различные правореализационные акты-документы, объективированные результаты научной юридической деятельности и другие овеществленные явления. Отметим, что методология их изучения юридической наукой разработана достаточно хорошо. Мы всегда формируем понятие о таких явлениях, выделяем их виды и функции, изучаем проблемы их функционирования и перспективы развития. Такие явления названы С. С. Алексеевым субстанциональными [1, с. 218–220]. Рассуждая о субстанциональности, С. С. Алексеев не привел однозначного определения ука-

занному явлению, не указал его признаков. Однако приведенная им контекстная характеристика субстанциональности и сравнительный анализ субстанциональных и динамических (несубстанциональных) явлений позволяет нам понять мысли автора и сформулировать более определенные тезисы по этому вопросу. Отметим, что именно работы профессора С. С. Алексеева привели нас к мысли о необходимости выделения субстанциональных и динамических типов явлений социокультурной реальности, различающихся между собой по доктринальному юридическому критерию субстанциональности.

Полагаем возможным определить субстанциональность правовых явлений как их свойство, способность сохранять качественно-количественную неизменность во время своего существования в социокультурной правовой реальности. Поясним предлагаемое определение. Профессор С. С. Алексеев к субстанциональным правовым явлениям отнес правовые средства (юридические нормы, факты, документы, правоотношения, санкции и т. п.). Отметим, что все они обладают одним весьма характерным свойством — они способны сохранять свою качественно-количественную неизменность (качественно-количественное постоянство) во времени. Так, будучи созданной, правовая норма состоит из определенного числа слов, распространяется на определенное видовыми или родовыми признаками правового статуса число лиц, рассчитана на действие во времени (с даты обретения силы и до момента возможной ее утраты хотя бы со сменой общественно-экономической формации) и т. д. Юридический факт также обладает субстанциональностью. Будучи наступившим, он уже не утрачивает своих пространственных или временных характеристик, круга лиц, поведение которых связано с его наступлением и т. д. Иными словами, субстанциональные правовые явления, существуя в социокультурной правовой реальности, остаются в некотором продолжительном времени одними и теми же с точки зрения их сущностных признаков. Да, разумеется, например, правовая норма может быть изменена субъектом правотворчества, но в период своего существования в качестве таковой во временных интервалах до и после изменений она сохраняет свою качественно-количественную неизменность. С точки зрения правил правореализационной и правоинтерпретационной юридической техники субстанциональность правовой нормы подтверждается необходимостью указаний редакции, в которой она приводится. К числу субстанциональных явлений мы также относим правовые отношения, имеющие фиксированное юридическое содержание (корреспондирующие права и обязанности участников) в интервале от и до возникновения порождающих, изменяющих или прекращающих их юридических фактов. Полагаем, что субстанциональностью также обладают и различные юридические документы, и технические средства (жезл регулировщика, светофор, форменное обмундирование сотруд-

ника полиции и др.), а также правовое сознание, уровень которого во временном отношении характеризуется стабильностью и поддается диагностированию посредством специальных методик [2].

Однако социокультурная правовая реальность не исчерпывается только субстанциональными правовыми явлениями. Так, например, существенной ее частью являются функции права, функции государства, процессуальные и процедурные действия и другие динамические явления. Полагаем, что к числу динамических следует отнести те явления, которые в юридической реальности существуют только в виде постоянного изменения, например, в процессе функционирования механизма правового регулирования соответствующих отношений, научных юридических конференций, учебных занятий и других тому подобных явлений. В связи с тем, что, с одной стороны, в настоящей работе мы используем термин «субстанциональные правовые явления», основу понимания которого заложил профессор С. С. Алексеев, а с другой — вводим собственную терминологию «динамические правовые явления», последняя нуждается в пояснении. Значимость адекватного подбора термина представляется весьма существенной. Выбор термина «динамические правовые явления» осуществлялся из достаточно большого перечня языковых форм, обозначающих изменяющиеся явления, таких как «несубстанциональные», «функциональные», «функционирующие», «изменчивые» и ряд других. При этом мы исходили из следующих соображений. Во-первых, вводимый термин должен быть достаточно хорошо определенным. По этой причине не подошло прилагательное «несубстанциональные». Несмотря на то, что дихотомическое деление всех возможных явлений в МПР на субстанциональные и несубстанциональные вполне обоснованно, в дальнейшем термин «несубстанциональные правовые явления» должен был бы «жить» собственной жизнью, самостоятельно презентуя обозначаемое им явление. Однако в силу неопределенности отрицательной части дихотомического деления понятий нам он представляется неприемлемым в силу недостаточной информационной насыщенности. Во-вторых, вводимый термин не должен ассоциироваться с другими, в том числе противоположными по сущности явлениями. По этой причине были отвергнуты термины «функциональные» и другие подобные словесные формы, так как они уже используются для обозначения различных, в том числе и субстанциональных, правовых явлений. Так, С. С. Алексеев говорил о правовых средствах как о функциональных явлениях. Это видно, например, из следующей его фразы: «Иными словами, перед нами те же, скажем, юридические нормы, хозяйственные договоры, счета в банке, меры поощрения, санкции, но предстающие в качестве функциональных явлений, инструментов реализации силы, ценности права» [3, с. 218]. В-третьих, вводимый термин должен подчеркивать диалектическую, изменяющуюся сущ-

ность отражаемых им явлений. Термин «динамические правовые явления» представляется достаточно хорошо отражающим постоянную изменчивость указанных правовых явлений и не влекущим смешение их с субстанциональными.

В правореализационной юридической практике к динамическим явлениям относятся различные юридические действия. Например, осмотр места происшествия существует только как система действий, как правило, следователя или дознавателя по накоплению и документированию информации об обстановке на месте обнаружения следов преступления [4]. Также к динамическим явлениям следует отнести процесс заключения любого договора, согласование каких-либо юридически значимых действий, деятельность по удостоверению юридически значимых обстоятельств и др. Полагаем, что динамические юридические явления возникают и существуют только как изменения количества информации, подчиняясь принципам и законам диалектики.

Отметим, что в юридических исследованиях часто упускается из виду динамическая природа таких явлений. Это происходит потому, что методология их изучения в достаточной степени не разработана. Иногда пробелы в методологии изучения динамических правовых явлений восполняются отдельно. Примером такого восполнения стала работа Т. Н. Радько «Методологические вопросы познания функций права» [5]. Однако достаточно часто существенные различия между субстанциональными и динамическими явлениями игнорируются.

В связи с изложенным представляются методологически дефектными некоторые авторские позиции, сформированные без учета сущностных различий между субстанциональными и динамическими явлениями. Так, например, А. С. Миловидова определяет юридическое удостоверение как интеллектуально-волевою юридически значимую деятельность компетентных субъектов, направленную на установление и подтверждение подлинности и правомерности правовых явлений, и ее результат, порождающие юридические последствия. При этом юридическое удостоверение рассматривается в системном единстве триады аспектов: процедурного, динамического (как деятельность), материального (закрепление результата) и как завершающий элемент соответствующего фактического состава [6, с. 10]. Так что же такое юридическое удостоверение? Субстанциональная или несубстанциональная у него природа? Различает ли автор, например, юридическое удостоверение (как процедурно-процессуальную деятельность) и его результат — оформленный документально юридический факт? Зачем понадобилось обозначать одним и тем же термином юридические явления, имеющие самостоятельные сущности? На эти и другие вопросы ответов найти в работе автора нам не удалось. Гораздо более грамотным выглядел

бы подход, если бы автор указал, что слово «удостоверение» имеет двойное значение, так как обозначает либо юридическую процедуру, либо ее результат. После этого уместно было бы дать два научно значимых определения с указанием существенных динамических и субстанциональных признаков.

Однако возможны возражения. Например, юридическую практику сложно однозначно отнести только к субстанциональному или динамическому типу. То же можно сказать и о правовой культуре в целом. По поводу таких явлений поясним, что в социокультурной правовой реальности юридическая практика и правовая культура существуют только как категории (если встать на методологическую позицию концептуализма). Как явление социокультурной реальности юридическая практика существует только либо как юридическая деятельность, либо как политико-правовой опыт. То же можно сказать и о правовой культуре. Полагаем, что опровергнуть данную позицию можно только демонстрацией юридической практики или правовой культуры как самостоятельных явлений, не сводимых к деятельности субъектов права или ее результатам. Однако такое представляется невозможным.

Таким образом, учитывая, что социокультурная правовая реальность представлена по существу двумя основными типами явлений (не путать с категориально-понятийным аппаратом), различающихся между собой по критерию субстанциональности, нам представляется обоснованным выделять субстанциональные и динамические явления.

Список основных источников

1. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : Издательство БЕК, 1995. – 320 с. [Вернуться к статье](#)
2. Поляков, С. Б. Диагностика правосознания правоприменителей : учеб. пособие / С. Б. Поляков. – Пермь, 2017. – 357 с. [Вернуться к статье](#)
3. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – М. : Издательство БЕК, 1995. – 320 с. [Вернуться к статье](#)
4. Глава 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921. [Вернуться к статье](#)
5. Радько, Т. Н. Методологические вопросы познания функций права / Т. Н. Радько. – Волгоград : Высшая следственная школа МВД СССР, 1974. – 151 с. [Вернуться к статье](#)
6. Миловидова, А. С. Юридическое удостоверение (теория, практика, техника) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.01 / А. С. Миловидова. – Н. Новгород, 2014. – 32 с. [Вернуться к статье](#)